

Наверно предполагать, что Иммануил Кант не догадывался о существовании альтернативных взглядов на мораль. Очень даже догадывался и даже изобрел оригинальный способ объяснения нравственного императива. В брошюре «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного» (которая, кстати, будь издана сегодня в Евросоюзе, мигом бы попала под дюжину тяжких уголовных статей) немецкий философ с неподдельным отвращением описал обычай и нравы «диких» рас и народов, из чего заключил, что в силу их дикости чуждые системы морали можно смело игнорировать.

Одно дело «нелепые» африканские негры и индийцы, совсем другое — дружная семья европейских народов. Отец немецкой классической философии вряд ли догадывался, испрашивая для себя в 1758 году у российской императрицы Елизаветы Петровны должность ординарного профессора, что государыня правит народом, чья система нравственных координат уникальна именно буквализацией категорического императива.

Свообразие русской этической конструкции — что во времена Канта, что ныне — в ее многомерности. Помимо привычного закона существуют еще и уникальные русские понятия. Блатную коннотацию термин получил лишь в годы советской власти, тогда как ранее понятия веками отражали представления русского человека о «жизни по правде». Сложная многомерность возникает из противопоставлений: закон — беззаконие, понятия — беспредел. Состояния эти представлены параллельно и редко пересекаются.

Уникальное разделение правил общества на законы и понятия возникло из недоразвитости законотворчества. Нехватки законов, издаваемых в Российской империи, СССР и РФ, как вы догадываетесь, никогда не было. Вот только законы эти постоянно вступали в противоречие с нравственным императивом (в русском варианте — с «жизнью по правде»), поэтому народу приходилось заниматься собственным «законотворчеством», дополнявшим официоз своими понятиями.

Уникальная русская система общественных правил и ценностей привела к не менее уникальным практикам. Об одном таком потрясающем явлении, не имеющем аналогов в мире, я и расскажу сегодня. Речь пойдет о складчинах.

В китайском, индийском, арабском, европейском, американском и проч. интернетах все незамысловато: есть законопослушные потребители цифровых продуктов (видео, аудио, художественных текстов и т.п.) и есть воры (на уровне метафоры — пираты). В западных странах законопослушных нетизанов подавляющее большинство. В странах третьего мира — подавляющее меньшинство.

Водораздел объясняется просто: индеец и китаец не может себе позволить купить компьютерную программу за 300 долларов, компакт-диск за 20 и учебник по программированию за 60. Но учиться и развлекаться хочется, поэтому цифровые продукты воруют.

Граждан стран золотого миллиарда тоже душит жаба, но у них нет вариантов, потому как они знают, что *безвоздемное пользование чужим интеллектуальным продуктом считается юридическим преступлением*. А закон в головах западного современного человека — это святое. Не потому, что законы нравятся, а потому что есть массовое понимание: законы — это общественный порядок, защита прав и личная безопасность. Отсутствие законов — хаос, дискомфорт и разрушение гражданского общества.

И вот в эту плоскую картину мира вмешивается наш соотечественник. Со своими уникальными понятиями. В рамках этих понятий любой продукт интеллектуального творчества — стихотворение любимого поэта, песня популярного барда, кинокартина народного режиссера, тем

«Различие между ложной и здоровой моралью состоит в том, что первая ищет лишь средств против зла, а вторая заботится о том, чтобы не было самих причин этого зла». **Иммануил Кант**

Жизнь в складчину, или О природе нашего воровства

более продукт образовательный — учебный видеокурс, вебинар и т.п. — все *обязано быть бесплатным!*

Дальше еще интереснее. Просто так взять и украдь по понятиям можно только у *фраера*. Или, если выйти за рамки блатных реалий, отбирать можно только у чужих, а не у своих. Чужим в разные времена мог считаться инородец, помещик, миоед-кулак, киностудия Netflix, компания Microsoft. Зато отжать у своих — уже *беспредел*.

На фундаменте этой удивительной морали и родилось уникальное явление Рунета — складчина. Представьте, что на рынке есть цифровой продукт (учебный курс, программа и т.п.), который публике нравится. Автор курса — хороший человек и тоже нравится. Просто украдь (как поступают китайские, индийские и прочие *кардеры*, выкупая продукт по краденным кредиткам) — не по понятиям (потому что *беспредел*).

Поэтому поступают следующим образом: организовывают складчину, собирают средства для приобретения одной копии товара, покупают его на законном основании, а затем распространяют цифровой продукт между участниками, уплативши м взносы.

Для реализации такой схемы *неворовства* в Рунете созданы тысячи порталов. Бизнес складчин отличен организован, автоматизирован и приносит неплохие деньги. Любой мало-мальски популярный интеллектуальный продукт местных

авторов и разработчиков рано или поздно попадает на складчину.

Я не случайно употребил слово *местный*, потому что только местные разработчики по понятиям относятся к *своим*, и их *западло* просто грабить. Со всеми неместными разговор короткий: западная музыка, фильмы, книги, журналы, учебники, компьютерные программы отжимаются традиционным способом — все спокойно крадется и выкладывается в открытый доступ на форумах и торрент-трекерах.

Принято считать, что наши люди идут на складчину по бедности: не в состоянии купить видеокурс за 10 тысяч рублей — вот и вынуждены складчиться. Признаюсь, я тоже долгое время пребывал в этой иллюзии, пока на собственном опыте не убедился в несостоятельности подобного объяснения.

Один из цифровых продуктов, к которому приложил руку я (учебный видеокурс МИНОА — методики изыскания, накопления, обработки и анализа информации), на протяжении нескольких лет продавался по относительно высокой цене — 10 тысяч рублей.

В начале года мы решили радикально расширить охват рынка, поэтому снизили цену в 10 раз, до символических 988 рублей. Продажи ожидали повыситься, но еще больше возросла активность складчиков. Сегодня складчины, организованные по нашим продуктам, собирают по 100—200 человек, размер взноса колеблется от 10 до 50 рублей.

Вы не поверите, но существуют не только прямые складчины, но и *складчины на складчины*, участники которых собирают деньги не для покупки нужного цифрового продукта, а на выкуп места в основной складчине!

В том, что складчина — не результат бедности, а отражение ментальности, мы окончательно убедились минувшим летом, когда начались сборы денег для покупки наших вебинаров, которые стоят 400 рублей!

Когда-то давно мы по наивности пытались договариваться со складчиками, делали им эксклюзивные предложения, объясняли, что брать чужое нехорошо, но потом махнули рукой: все складчики, с которыми приходилось разговаривать, искренне верили, что не совершают ничего противоправного.

Да что там складчики! Загляните в русскую Википедию: в статье «Складчина» есть такая фраза: «Многие авторы информационных продуктов рассматривают деятельность данных форумов как неправомерную». Мне одному показалось, что выражение «многие авторы» звучит как упрек здравому смыслу? Мол, встречаются еще чудаки, которым кажется, что складчина — это преступление, но мы-то с вами понимаем!

Характерно, что существующая законодательная база превращает борьбу со складчинами в России в бессмысленное занятие. Скажем, подавляющее большинство платежей от организаторов складчин (т.н. *оргов*) поступает через систему цифровой наличности Web Money. Жаловаться в арбитраж Web Money на организатора складчина и требовать блокировки его счета глупо, потому что на момент совершения платежа ничего противозаконного не происходит: вот деньги, вот товар — где же здесь криминал?

Предположим, вы хорошо подготовились и защищили свой цифровой продукт (текст или видеокурс) водяным знаком с регистрационным номером, уникальным для каждого покупателя. Однако в суде вам зададут резонный вопрос: «А где доказательства того, что водяной знак на незаконно распространенной копии принадлежит именно ответчику?» Вы сошлесь на базу данных, в которой вы ведете учет регистрационных номеров.

В ответ суд попросит вас заверить информацию у нотариуса. Нотариус, если он в здравом уме, заверять вашу базу данных откажется, но даже если согласится, то

только распечатку на текущий день. На что в суде вам снова зададут резонный вопрос: «Где доказательства того, что вы не внесли изменения задним числом и не приписали ответчику регистрационный номер, заставившийся на украденном продукте?» Презумпция же невиновности.

Завершу на парадоксальной ноте: не существует не только юридических предпосылок для борьбы со складчиками, но и экономических! Бытует наивное убеждение, что каждая складчина лишает владельца интеллектуальной собственности 100—200 (или сколько их там скинулось в общак) потенциальных покупателей.

Sancta simplicitas! (святая простота!). Да ни один участник складчина не является потенциальным покупателем! Носитель *коммунальных ценностей* не купит никогда ваш цифровой продукт из принципа. Даже если вы снизите цену до символической.

Те же, кто покупал цифровые интеллектуальные продукты в прошлом, продолжат их покупать и в будущем. И к складчинам не подойдут на пушечный выстрел — по столь же принципиальным соображениям. Не каждому, в конце концов, близки коммунальные ценности, создающие реальность, параллельную юриспруденции. Кому-то нравится и скучный европейский диктат закона.

Сергей ГОЛУБИЦКИЙ —
специально для «Новой»